

* * *

Деревья, что желтеют раньше срока,
И листья, что краснеют раньше всех,
Седеющие волосы пророка,
Прервавшийся на полуслове смех —
Всё будет спасено одной любовью.
Она — тепло, она — предвечный свет...
Так ивушка склонится к изголовью
Бродяги, спящего на склоне лет...

* * *

Мои дожди прошли в лесах сосновых,
Мои ветра — на клеверных лугах,
И зорь моих вечерних, вечно новых,
Так много на высоких берегах.
Мои стихи лились, как наши реки,

Медлительно, и плавно, и легко,
И слёзы омывали эти веки,
А эти губы пили молоко.
Мой мир был гармоничен и прекрасен,
Неважно, правдой был он или сном.
Пусть доброты покой и был напрасен,
Я не молил о бремени ином.
Мои дожди прошли в лесах сосновых,
Мои ветра — на клеверных лугах,
И зорь моих вечерних, вечно новых,
Так много на высоких берегах.

* * *

Дождь идёт на серые долины
Незнакомцем в шляпе пастуха,
Тучи над землёй неумолимы,
Как неумолимы лемеха.
Это плачут изгнанные души,
Умершие плачут о живых,
И для них не хватает в мире суши,
И потоп бушующий — для них.
Так повешенный стучит о кафель
Там, где вечно полночь на часах.
Скажете, что слишком много капель...
А умерших сколько в небесах?
И святая, всё на небе свято,
Драгоценная, как бирюза,
Каждая дождинка — это чья-то
Чистая, горячая слеза.
Из невыразимо дальней дали,
Где простор и свет неодолим,
Плача от того, что увидали,
Всё, что могут, отдают живым.
Но из мира, что пустыни суше,
Где и зной, и цвет неуловим,
Смертью успокоенные души
Плакать могут только от любви...

* * *

Раннее утро. Поздняя осень.
Падает снег на увядшие листья.
Полуразрушен дом номер восемь.
В жизни осталось лишь закулисье.
Бродит печально рыжая кошка,
А на верёвках — мятые тряпки.
Больно немножко. Грустно немножко.
В старом пальто одиноко и зябко.
Не с кем забыться. Некуда деться.
Негде советы выслушивать мудро.
Эта слезинка родом из детства.
Поздняя осень. Раннее утро.